

ИМЯ Улановой стало легендарным при жизни. В одной из статей ее называли «самой простой и самой загадочной балериной нашего времени».

Уланова не танцует больше на сцене, но влияние ее искусства, ее художнической и человеческой личности и по сей день велико. И сейчас она работает много и плодотворно. Но непосредственно наблюдать эту работу могут немногие — только те, кто переступает порог репетиционных классов и залов Большого театра.

Что касается «легенды об Улановой», то надо сказать, что сама она относится к ней отчужденно. Она совсем не ревнива к своей славе, более того, кажется вполне равнодушной к ней.

Уланова всегда несколько недоверчиво относилась к самым восторженным похвалам: «Слушая, как меня кто-нибудь хвалит, я воспринимала из этого процентов тридцать, а остальное относила за счет увлечения говорившего. Всерьез воспринимать все комплименты и похвалы очень опасно, это может притупить «благодарность» к собственным недостаткам». Иногда она с юмором охаждала восторги своих почитателей, шутливо снижала градус самых патетических благодарностей и комплиментов. На одном из концертов Уланова танцевала «Умирающего лебедя». Это каза-

«пап» и «мам» по сцене, потом гостя за всех «злодеек» и «соперниц» — за балерин, танцевавших Зарему, Миrtle, сестер из «Золушки», «за всех бесчисленных сценических возлюбленных и любовников» — за всех Ромео, Альбертов, принцев...

Не был забыт никто — ни балетмейстеры, ни композиторы, ни дирижеры, ни концертмейстеры. Она вспомнила тех, кто помогал ей одеться и загримироваться на спектаклях, — «ведь без них я не могла бы выйти на сцену, они работали и золновались вместе со мной...». Работников репертуарной конторы — «они заботились о том, чтобы я не пропустила репетицию...». Она превратила свой праздник в праздник для всех, так иначе связанных с ней трудом и творчеством. Умно и лукаво сумела избежать обычных в таких случаях словесловий. Пленила всех в этой своей «роли» — роли радушной и приветливой хо-зяйки.

Уланова перешагнула порог своего шестидесятилетия. Но ей не изменила удивительная грация движений, внутренняя молодость как бы озаряет ее и по сей день. Присущая Улановой редкая пластическая гармония соответствует ее внутреннему миру, от нее исходит ощущение достоинства и душевного покоя. Я помню, как однажды мы бродили с Улановой по

была отказать от партии, — так боялась работать с Улановой. От страха даже не сообразила выучить порядок движений, текст партии. Пришла Уланова, спросила: «Ты знаешь порядок?». — «Нет». И хотя она имела все основания рассердиться, этого не произошло. Спокойно, неторопливо стала показывать мне порядок. И сразу сняла все мучительное напряжение.

Уланова очень требовательна. Даже после успешного спектакля придет в уборную и скажет: «Хорошо, молодец, но вот тут было не так, это не совсем вышло», разберет все «по косточкам», и выяснится, что замечаний множество. Иногда, естественно, испытываешь даже досаду, делается обидно — ведь только что все хвалили, поздравляли, восхищались... А потом понимаешь, как необходима такая придирчивость, как важно иметь такой «глаз», от которого не ускользнет ни малейшая прегрешность.

Внимание и терпение Улановой беспримерны. Иногда приходишь на репетицию в плохом настроении и физически себя плохо чувствуешь. «Галина Сергеевна, у меня все болят, я устала, не могу сегодня репетировать». Никогда в ответ я не слышала гневных упреков, раздраженных нотаций, приказов «соберись», «не ленись», и т. п. «Ну, хорошо, сегодня не будем. Сделай только это движение, чтобы тебе самой быть спокойной, ты всегда за него волновалась...». Сделаю. «А теперь, пожалуй, еще одно, вот это...». И так постепенно, незаметно втягиваешься, и к концу репетиции оказывается, что она прошла со мной всю или почти всю партию.

Если даже она показывает твою ошибку, «передразнивает» тебя, то это делается с таким юмором и так доброжелательно, что не обижает. Она умеет успокоить, помогает обрести чувство профессионального достоинства.

Когда я спросил об Улановой Нину Тимофееву, она долго молчала. Потом сказала, что это просто невозможно говорить об Улановой, что у нее и слов-то таких нет. А потом все-таки стала говорить, я едва успевал записывать этот взволнованный монолог:

«Я могу считать себя счастливой: я видела Уланову. И мало того, она со мной работала, работает.

Она добра, бесконечно терпелива, но также бесконечно требовательна к себе и другим. Ничем не может быть нарушена ее строжайшая принципиальность. Она никогда и ничего не делает против своего убеждения. Вот почему работа и общение с ней не только радость, но и великий пример, образец, урок. Когда она входит в класс, мне кажется, что в нем становится светлее. При ней невольно уходит, должно уходить все мелкое, малодушное, злое. При ней нельзя, собственно быть внутренне слабой, неискренней. У нее какая-то своя, очищающая миссия в искусстве, она возвышает людей своим появлением, своей жизнью на сцене.

Есть педагоги очень властные, волевые, резкие. Уланова терпеливо, бережно, осторожно «прикасается» к твоей душе. Но бережность, нежность этих «прикосновений» часто бывает магической — начинаяшь видеть зорче и глубже».

К этим словам трудно что-либо добавить.

Если вы пойдете в Большой театр на «Жизель» или «Шелкунчика» с участием Е. Максимовой на «Жизель», «Асель» или «Легенду о любви», когда танцует Н. Тимофеева, вы почти обязательно увидите на этих спектаклях Уланову. (Или, вернее, обязательно не увидите, потому что она всегда прячется в самой глубине директорской ложи).

Внимательно следит она за каждым движением своих «подопечных» балерин. В прекрасном расцвете их мастерства есть немалая доля ее здохновения и труда. Очень хорошо, что Уланова работает. Хорошо, что она вообще есть. Значение ее нравственного и эстетического влияния трудно переоценить.

Б. ЛЬВОВ-ДНОХИН

ЗАГАДОЧНАЯ БАЛЕРИНА

лось чудом. В антракте за кулисами к ней бросилось множество людей. «Это потрясающее, необыкновенно, сегодня был какой-то особый трепет, каждая клеточка дрожала какой-то проносящей душу дрожью прощания с жизнью!» — ахали все вокруг. «Может быть, это оттого, что на сцене очень людно», — невозмутимо ответила она.

Люди, видевшие ее на сцене, относятся к ней благоволейно. Однажды она была на спектакле в одном из театров Москвы. В антракте вышла в фойе. А вернувшись, нашла на своем кресле цветы, их положили какие-то неизвестные почитатели. И так бывает очень часто. На столе жюри международного конкурса артистов балета, председателем которого она была, напротив ее места тоже всегда лежали цветы.

Уланова не похожа на человека, имевшего возможность увидеть множество своих изображений в бронзе и мраморе, прочесть огромное количество статей и множество книг о себе, где ее называют великой. Впрочем, я не уверен, что она читала их очень внимательно. Мне кажется, что из всех бесчисленных знаков признания наибольшее удовольствие доставило ей известие, что цветовод Дирик Лефебр назвал ее именем выведенным им новым видом белых тюльпанов. Весной эти тюльпаны расцветают перед окнами Кремлевского Дворца съездов, где часто идут балетные спектакли. И, проходя мимо них, Уланова с каким-то детским удовольствием сообщает: «Это мои тюльпаны!».

Скромность, так и особое душевное изящество Улановой проявились в таком факте. Она привлекла на празднование своего шестидесятилетия очень многих друзей по театру, партнеров, балетмейстеров, музыкантов и танцовщиков. Но за столом никому не удалось произнести тост в ее честь. Она не хотела слушать пышных слов и речей. Наоборот, сама взяла слово и провозглашала тосты почти за всех присутствующих. Сначала это был тост «за моих сценических родителей», за

узким улицам старой Риги. Это было уже после того, как она перестала танцевать. Я осторожно спросил, не грустно ли ей без сцены... Она улыбнулась и ответила, что надо уметь во всем находить что-то хорошее. «Вот сейчас я могу часами бродить по этим нудесным старинным улицам, а раньше не посмела бы этого сделать — нужно было бы лежать в гостинице, беречь силы к вечернему спектаклю...».

Уланова принадлежит к поколению актеров, относившихся к своему делу самоотверженно, почти фанатически. Она вспоминает, как в юности, вскоре после окончания школы, вместе с Вахтангом Чабукиани отдыхала на Кавказе, в Гаграх. От моря к дому отдыха, где бни жили, нужно было подниматься по большой лестнице. И вот как-то Чабукиани предложил использовать это «восхождение» с пользой для дела: «Давай, входя на ступеньку, каждый раз подниматься на полуальбеты, чтобы не терять времени даром». Так каждодневный спуск к морю и возвращение с него стали своеобразным упражнением.

В Улановой нет и тени искусственности, она ничего не делает напоказ; не подчеркивает акцентизм своего служения искусству, принимает все естественные, простые радости жизни. Мне довелось изо дня в день наблюдать ее во время Пятого международного конкурса артистов балета в Варне в июле 1970 года. Она наслаждалась морем, воздухом, солнцем, плавала, совершила прогулки, шутила сама и смеялась шуткам других.

Галина Сергеевна говорит о себе неохотно и скромно. Гораздо легче говорить о ней с другими людьми. Она очень много работает с замечательными балеринами Большого театра Ниной Тимофеевой и Екатериной Максимовой. И они рассказывают о ней с радостью.

— Когда я узнала, что буду репетировать партию Жизели с Улановой, — говорит Екатерина Максимова, — меня охватил «священный ужас», я была на смерть перепугана, настолько, что готова